Мустафина С.А.¹, Мустафин Р.Ф.², Боташева А.Р.²

Проблемы доказывания факта нахождения лица в состоянии, когда оно не способно понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки

¹Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

²Кубанский государственный университет
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/trnio-01-2022-187

Аннотация

Статья посвящена сущности такого основания недействительности сделки как совершение её гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими. В статье рассматривается также его соотношение с пороком воли, дифференцируются понятия воли и волеизъявления, исследуются проблемы правоприменения и доказывания, исследуется судебная практика.

Ключевые слова: недействительность сделки, порок воли, дееспособность, способность понимать значение своих действий или руководить ими.

Abstract

The article is devoted to the essence of such grounds for the invalidity of a transaction as its execution by a person incapable neither to realize the implication of his actions nor to be in control of them. The article also examines its ratio with the vice of will, differentiates the concepts of will and expression of will, examines the problems of law enforcement and proof, examines judicial practice.

Keywords: invalidates the transaction, expression of will, legal capacity, realising the implication of actions or to be in control of them.

Недействительность сделок традиционно является одной из самых распространенных категорий гражданских и арбитражных дел, рассматриваемых судами. Понятие «недействительность сделки» имеет несколько значений, и может одновременно определяться, как деятельность (процесс) и правовой факт. С точки зрения материального права недействительность сделки означает, что действие, совершенное в виде сделки, не обладает качествами юридического факта, способного породить те гражданско-правовые последствия, которые стороны предусматривали как желаемый итог [1]. Основания недействительности сделок предполагают их дифференциацию на общие (ст. 168 ГК РФ) и специальные, которые в дальнейшем делятся исходя из такого критерия как сущность нарушения (порок какой-либо части сделки): порок воли; порок содержания; порок формы; порок субъекта. Порок воли представляет собой сложную категорию, находящуюся в пограничном состоянии между сферами права и психологии. Рассматривая волю как цивилилистическую категорию, некоторые авторы определяют ее как имманентный психический процесс, результатом которого является заключение сделки [2]. Определяя сделку в общем виде как правомерный поведенческий акт, выраженный в действии, совершаемом под влиянием конкретных мотивов и направленный на цель, преследуемую субъектом гражданских правоотношений, очевидным является то, что сделка – это акт воли отдельного лица. Вместе с этим, следует различать понятие воли как внутреннего стремления достигнуть определенного юридически значимого результата и воли как внешнего представления, демонстрации, направленной на ее понимание, восприятие иными субъектами права [3]. Научные деятели, специализирующиеся в юридической психологии, отмечают, что в общей психологии отсутствует понятие «порок воли» как таковое, но вместе с этим, оно используется правоведами для обозначения эмоционально-волевых, личностных нарушений, расстройств поведения, интеллектуально-волевой «неполноценности» процессов регуляции субъектом своих действий, когда он не мог в полной мере руководить ими или

понимать их значение [4]. Такая возможность состоит из способности здраво, по своей воле и своему усмотрению рассуждать и действовать (интеллектуальный и волевой компонент). Пункт 1 статьи 177 ГК РФ представляет собой один из частных случаев проявления «порока воли»: при заключении сделки воля участника была искажена или в принципе отсутствовала, ввиду чего такая сделка является оспоримой. Вместе с этим, законодательно не урегулировано, влияет ли природа причины нахождения лица в таком состоянии (лицо самостоятельно привело себя в такое состояние или же это произошло помимо его желания, ввиду действий иных лиц). Исходя из практики правоприменения таким состоянием может быть признано: нахождение в состоянии опьянения (как наркотического, так и алкогольного), сильного душевного волнения, тяжелой болезни или травмы, нервного потрясения (шока), гипноза и иные. Нам представляется не совсем обоснованным отсутствие регулирования этого аспекта, поскольку данный пробел может спровоцировать проявления злоупотребления правом, выражающиеся в следующем: очевидным является факт, что существуют лица, хотя и имеющие длительное пагубное пристрастие к потреблению алкоголя или к участию в азартных играх, но не ограниченные судом в дееспособности. Несмотря на то, что их психическое состояние может являться достаточно неустойчивым, они вправе совершать любые сделки: к примеру, куплю-продажу, дарение, заключать договоры аренды или ссуды, а затем, спустя некоторое время, осознав характер совершенных действий, указанные лица обратятся за судебной защитой. Ввиду того, что алкогольная или азартная зависимость чаще всего носит длящийся характер, такие ситуации неизбежно будут повторяться из раза в раз, необоснованно нагружая судебную систему и мешая нормальному экономическому обороту, в том числе, вредя интересам контрагентов по оспариваемой сделке, который мог действовать совершенно добросовестно и не быть осведомленным о состоянии лица. Так как причины, обусловившие нахождение лица в таком специфическом состоянии, могут быть разнообразны, то суды индивидуально подходят к определению того, какие факторы влияют на способность руководить своими действиями или понимать их значение. Одним из самых распространенных критериев является наличие или отсутствие психического расстройства в момент заключения сделки. При этом определяющее значение имеет степень его тяжести, степень имеющихся в связи с таким расстройством нарушений интеллектуального и (или) волевого уровня развития психики, например, такого расстройства, которое бы обусловило бы интеллектуальную инвалидность лица (умственную отсталость) в степени, при которой лицо не могло бы осуществлять смысловую оценку ситуации, осознавать правовые особенности совершаемой сделки, отслеживать причинно-следственную связь между своими действиями и наступившими последствиями, прогнозировать их. Наличие синдрома алкогольной зависимости, установленного медицинской экспертизой как хронического психического заболевания также может влиять на способность лица осознавать значение своих действий или руководить ими, что подтверждается примерами из судебной практики: рассматривая дело о признании недействительным дарения, суд установил, что лицо в момент совершения юридически значимых действий в виде дарения и последующей регистрации перехода права на квартиру имел признаки психического расстройства в форме синдрома зависимости от алкоголя средней стадии с перенесенным алкогольным психозом на соматически неблагоприятном фоне. При проведении судебной экспертизы было установлено, что даритель обладает некоторыми индивидуально-психологическими особенностями, приобретенными, в том числе, ввиду алкоголизма, обусловившими его психическое состояние и повлиявшими на его способность осознавать характер своих действий и руководить ими: общительность, коммуникабельность, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, поверхностность, эгоцентризм; также в состоянии простого алкогольного опьянения отмечалось снижение критических и прогностических способностей подэкспертного [5]. Индивидуально-психологические особенности лица, например, такие как повышенная внушаемость и подчиняемость, достаточно часто выступают факторами,

лишающими лицо в момент совершения сделки способности понимать значение своих действий или руководить ими, как, например, в Апелляционном определении СК по гражданским делам Московского городского суда от 14 октября 2019 г. по делу N 33-36873/2019, где было установлено, что выявленные у ответчика индивидуально-психологические особенности (в том числе повышенная внушаемость и подчиняемость), обусловленные наличием у нее психического расстройства, проявились в ее поведении в ситуации гражданского дела, и определялись психопатологическими механизмами регуляции деятельности, в связи с чем, ответчик не могла понимать значение своих действий и руководить ими в момент совершения юридически значимых действий. Так же в судебной практике нередко можно встретить дела о признании завещания недействительным именно ввиду неспособности завещателя понимать значение своих действий и руководить ими, впрочем, по большей части, с отрицательным исходом для истца. Это объясняется сложностью посмертного установления и последующего доказывания факта отсутствия воли завещателя в момент составления завещания. Такое основание недействительности сделки имеет две составляющие: правовой (юридический) элемент, выражающийся в неспособности понимать значение своих действий или неспособности руководить своими действиями, и психологический элемент – психическое состояние, оказавшее воздействие дезорганизующего характера на мыслительную, волевую деятельность субъекта [6]. Определение соответствия воли лица при совершении оспариваемой сделки указанным элементам (критериям) осуществляется как судом (в отношении юридического критерия), так и судебными экспертами (в отношении психологического критерия). Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 (ред. От 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» закрепляет императив, содержание которого сводится к тому, что при рассмотрении дел данной категории, суд обязан назначить судебно-психиатрическую экспертизу в целях определения психического состояния лица в момент совершения сделки. Несмотря на то, что одним из наиболее эффективных способов доказывания для данной категории дел являются результаты судебно-психиатрической экспертизы, в ходе которой определяется объективная психическая возможность лица здраво мыслить, по своей воле и в своем интересе в период юридически значимого и фактического поведения, нельзя утверждать, что суд должен основывать свое решение исключительно исходя из выводов такой экспертизы. Напротив, суд исследует наличие юридического критерия порока воли лица путем оценки множества других доказательств, относящихся к характеристике здоровья, развития, образования, мировоззрения, опыта жизнедеятельности лица: объяснений сторон, представителя; показаний свидетелей; исследовании письменных доказательств и т.д. [7]. Ввиду специфичности и сложности природы предмета доказывания данной категории дел, неизбежно возникают проблемы при правоприменении. Первая проблема заключается в следующем: изучая такой вид доказательств как показания третьих лиц (в частности, нотариусов) суды часто допускают ошибку, отождествляя понятие недееспособности и порока воли, на основании этого считая, что, если нотариус при заверении сделки произвел необходимые действия для установления фактической дееспособности лица, и удостоверился в её наличии, то лицо в момент совершения сделки было способно осознавать значение своих действий или руководить ими. Законодатель в п. 1 ст. 177 ГК РФ прямо указывает, что для целей признания сделки недействительной по данному основанию дееспособность лица не имеет правового значения: «сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии...», что является очевидным, так как отсутствие дееспособности является частным случаем другого основания для недействительности сделки – «порока субъекта», тогда как отсутствие способности руководить своими действиями или осознавать их значение, как уже было указано, является проявлением «порока воли». Это же положение подтверждается выводом, сформулированным в Определении Верховного Суда РФ от 10.09.2020 г. по делу № 305-

ЭС20-5407: «Основание недействительности сделки, предусмотренное в указанной норме, связано с пороком воли <...>, при этом не имеет правового значения дееспособность лица, поскольку тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки. Таким образом, юридически значимым обстоятельством является установление психического состояния лица в момент заключения сделки». Однако современным законодательством не предусмотрено нормы, прямо обязывающей нотариуса при удостоверении сделки проверять психическое состояние гражданина и его способность отдавать отчет в своих действиях, а лишь указывается на его обязанность проверить дееспособность и наличие волеизъявления (которое, как ранее было указано, является лишь внешним проявлением воли). Отсутствует и законодательное урегулирование механизма такой проверки, что ставит решение о наличии или отсутствии дееспособности и порока воли под вопрос, так как нотариус не является лицом, обладающим специальными познаниями в сфере психиатрии, психологии или иных медицинских наук, не обладает полномочиями для получения какой-либо конфиденциальной информации об обратившемся за совершением нотариальных действий лице (например, он не может запросить данные от психиатрических диспансеров о постановке лица на учёт). Зачастую проверка сводится к беседе с лицом, совершающим сделку, на предмет выяснения его намерений, адекватности, осознания правовых и фактических последствий производимого действия, или, если у лица имеется недвижимое имущество, направления запроса в ЕГРН для получения информации о наличии (отсутствии) судебного акта о признании правообладателя недееспособным или ограниченно дееспособным. Понятие гражданской дееспособности, сформированное в ст. 21 ГК РФ, определяет её как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, и, безусловно, подразумевает под собой наличие определенной умственной и волевой способности психики лица, но данный факт, как уже было указано, проверяется нотариусом весьма поверхностно, и не исключено, что лицо, пусть и обладающее фактической дееспособностью, в момент совершения сделки могло не осознавать значение своих действий или не руководить ими, хотя бы внешне не выражало никаких признаков своего состояния, и, соответственно, не вызвало сомнений у нотариуса. Вторая проблема доказывания по данной категории дел заключается в том, что привлечение экспертов и производство судебно-психиатрической, психолого-психиатрической и иных необходимых экспертиз не всегда может дать исчерпывающего ответа на вопрос о соответствии воли лица медицинскому критерию. Клинические выводы о характере и степени выраженности психических расстройств в период совершения сделки строятся на основе сопоставления данных, характеризующих актуальное состояние подэкспертного (т.е. на момент обследования), с теми, которые получены в результате анализа анамнестических сведений, медицинской документации, свидетельских показаний. Часто эксперты, хоть и фиксируя на момент проведения исследования какие-либо расстройства психики, препятствующие способности лица осознавать характер своих действий или руководить ими, объективно не могут указать на наличие или отсутствие этих нарушений именно в момент совершения сделки из-за недостаточности необходимых медицинских данных (записей в амбулаторных картах больного, справок из психиатрических диспансеров, заключений медико-психологических обследований, датированных периодом совершения оспариваемой сделки). Доказывание факта нахождения лица в таком специфическом состоянии является достаточно сложным интеллектуальным процессом, и даже проведение психиатрической или психологической экспертизы не является «панацеей» для данной категории дел, так как оно не гарантирует однозначность выводов о наличии, отсутствии, или искажении воли при совершении оспариваемой сделки. Существует и такая практика, когда суды, хотя бы получив от экспертов положительный ответ на вопрос о наличии медицинского «порока воли» в момент совершения сделки, изучив доказательства, свидетельствующие о том, что лицо в тот же промежуток времени заключало ряд других сделок, которые заявителем не

оспариваются и сами по себе свидетельствуют о его разумном поведении, опровергают вывод экспертизы, одновременно отказывая в признании сделки недействительной.

1. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Е.А.Суханова. М., 2008.
2. Сенина Ю.Л. Категория воли в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 Томск, 2006.
3. С. Ю. Филиппова, В. В. Кулаков, А. Е. Кирпичев и др. Актуальные проблемы гражданского права: учебник для магистратуры / под ред. Р. В. Шагевой. М., 2019.
4. Романов, В. В. Юридическая психология: учебное пособие для среднего профессионального образования. М., 2019.
5. Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03 июня 2020 г. По делу N 8Г-10808/2020[88-12765/2020] // Энциклопедия судебных решений. СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/57591516/>
6. Киселевская Л.Е. Способность лица к участию в сделке и здравый смысл: процессуальный аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1.
7. Журавлева Наталья Сергеевна Проблемы, связанные с производством экспертизы по делам о признании недействительными сделок с пороком воли // Научные исследования. 2017. №6 (17).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая-четвертая // СПС «КонсультантПлюс», URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
9. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021)// СПС «КонсультантПлюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 (ред. От 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/
11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 14 октября 2019 г. по делу N 33-36873/2019 // Официальный сайт Московского городского суда, URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/civil/details/>
12. Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2020 г. по делу N 8Г-781/2020[88-3770/2020] // Энциклопедия судебных решений. СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/57591516/>
13. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 января 2015 г. N 48-КГ14-11 // Энциклопедия судебных решений. СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/57591516/>
14. Определение Верховного Суда РФ от 10.09.2020 г. По делу № 305-ЭС20-5407 // Энциклопедия судебных решений. СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/57591516/>

Орлова Л.В., Анисеева Д.Е.

Правовые аспекты страхования спасателей службы ПАСОП

*ФГБОУ ВО «Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева»
(Россия, Ульяновск)*

doi: 10.18411/trnio-01-2022-188

Аннотация

В отечественной юридической науке вопросы правового статуса персонала аварийно-спасательного подразделения развиты недостаточно. Комплексных исследований, посвященных этому вопросу, практически нет. По-прежнему остаются дискуссионными вопросы о понятии, содержании, структуре и элементах правового статуса спасателей.

Ключевые слова: страхование, СПАСОП, аварийно-спасательная служба.

Abstract

In domestic legal science, the issues of the legal status of the personnel of the emergency rescue unit are not sufficiently developed. There are practically no comprehensive studies devoted to this issue. There are still debatable questions about the concept, content, structure and elements of the legal status of rescuers.

Keywords: insurance, SPASOP, rescue service.